

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном процессе РФ

Обучающийся

К.В. Маклова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена ключевой ролью мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Меры пресечения, закрепленные в главе 13 УПК РФ, выполняют функцию предотвращения уклонения подозреваемых и обвиняемых от следствия и суда, а также воспрепятствования производству по уголовному делу. В условиях цифровизации и глобализации преступности, а также усиления судебного контроля за ограничением прав, исследование мер пресечения приобретает особую значимость для совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики.

Цель исследования заключается в анализе мер пресечения как вида мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном процессе Российской Федерации, выявлении проблем их правового регулирования и правоприменения, а также разработке предложений по их совершенствованию.

Предмет исследования составляют нормы права, регулирующие применение мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, включая взаимодействие органов следствия, дознания, суда и участников процесса.

Структура работы состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников. Первая глава посвящена системе мер уголовно-процессуального принуждения, вторая – характеристике отдельных мер пресечения, третья – проблемам правового регулирования и предложениям по их решению.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Система мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве РФ	7
1.1 Понятие мер уголовно-процессуального принуждения, их система и значение	7
1.2 Понятие и система мер пресечения, их отличие от иных мер процессуального принуждения.....	12
1.3 Основания и условия избрания мер пресечения	17
1.4 Порядок избрания, изменения и отмены мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ	20
Глава 2 Общая характеристика отдельных мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ	26
2.1 Подписка о невыезде и надлежащем поведении. Личное поручительство	26
2.2 Наблюдение командования воинской части. Присмотр за несовершеннолетним обвиняемым	30
2.3 Запрет определенных действий. Залог. Домашний арест. Заключение под стражу	34
Глава 3 Проблемы правового регулирования мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ	45
3.1 Основные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики применения мер пресечения.....	45
3.2 Предложения по совершенствованию законодательства в сфере применения мер пресечения	49
Заключение	53
Список используемой литературы и используемых источников	57

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена ключевой ролью мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Меры пресечения, закрепленные в главе 13 УПК РФ, выполняют функцию предотвращения уклонения подозреваемых и обвиняемых от следствия и суда, а также воспрепятствования производству по уголовному делу. В условиях цифровизации и глобализации преступности, а также усиления судебного контроля за ограничением прав, исследование мер пресечения приобретает особую значимость для совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики.

Цель исследования заключается в анализе мер пресечения как вида мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном процессе Российской Федерации, выявлении проблем их правового регулирования и правоприменения, а также разработке предложений по их совершенствованию.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие мер уголовно-процессуального принуждения, их систему и значение;
- определить понятие и систему мер пресечения, их отличие от иных мер процессуального принуждения;
- изучить основания и условия избрания мер пресечения;
- проанализировать порядок избрания, изменения и отмены мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ;
- дать общую характеристику отдельных мер пресечения: подписки о невыезде, личного поручительства, наблюдения командования воинской части, присмотра за несовершеннолетним обвиняемым, запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу;

- выявить основные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики применения мер пресечения;
- разработать предложения по совершенствованию законодательства в сфере применения мер пресечения.

Предмет исследования составляют нормы права, регулирующие применение мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, включая взаимодействие органов следствия, дознания, суда и участников процесса.

Теоретическая база исследования включает работы отечественных ученых в области уголовного процесса, таких как В.В. Рудич, М.Г. Оленев, А.И. Цыреторов, Л.И. Лавдаренко, Л.П. Плеснева, Т.Н. Кипрова, М.Д. Филимонова, Е.В. Михайлов, В.Н. Борков, Б.Б. Булатов, А.В. Павлов, А.Д. Курочкин и др. Их исследования посвящены анализу правовой природы, проблем применения и путей совершенствования мер пресечения.

Нормативная база исследования охватывает Конституцию Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, федеральные законы, постановления Пленума Верховного Суда РФ и иные нормативные акты, регулирующие применение мер пресечения.

Эмпирическая база исследования включает материалы судебной практики, такие как апелляционные постановления Томского областного суда (№ 1-247/2024 от 22.01.2025, № 3/12-1/2025 от 29.01.2025), Саратовского областного суда (№ 3/2-6/2025 от 29.01.2025), Пермского краевого суда (№ 22-6102/2024 от 25.10.2024), Ивановского областного суда (№ 3/1-4/2025 от 29.01.2025), Верховного Суда Республики Крым (№ 3/15-1/2025 от 28.01.2025), Приморского краевого суда (№ 3/1-199/2024 от 30.10.2024), а также статистические данные по применению мер пресечения.

Методы исследования включают такие методы, как анализ, синтез, системный подход, обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой, правовое моделирование.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для совершенствования уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в сфере мер пресечения. Предложенные рекомендации могут способствовать повышению эффективности уголовного судопроизводства, соблюдению принципов законности и гуманизации, а также защите прав личности.

Структура работы состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников. Первая глава посвящена системе мер уголовно-процессуального принуждения, вторая – характеристике отдельных мер пресечения, третья – проблемам правового регулирования и предложениям по их решению.

Глава 1 Система мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве РФ

1.1 Понятие мер уголовно-процессуального принуждения, их система и значение

В уголовном судопроизводстве Российской Федерации меры процессуального принуждения выступают как фундаментальный институт, обеспечивающий баланс между необходимостью эффективного расследования преступлений и защитой прав личности, что обусловлено принципом законности, закрепленным в статье 7 УПК РФ [25].

Под мерами уголовно-процессуального принуждения понимается совокупность предусмотренных законом действий, осуществляемых органами дознания, следствия и суда, направленных на ограничение определенных прав и свобод участников уголовного процесса. Эти меры применяются для обеспечения беспрепятственного хода судопроизводства, предотвращения уклонения от следственных действий или суда. Такое определение вытекает из системного анализа норм Раздела IV УПК РФ, который регулирует меры процессуального принуждения. Их принудительный характер сочетается с временным, пропорциональным и обоснованным применением, что направлено на достижение целей уголовного процесса без излишнего ущемления конституционных прав граждан, таких как право на свободу и личную неприкосновенность, закрепленное в статье 22 Конституции РФ [17].

Меры процессуального принуждения, несмотря на их ограничительный характер, выполняют не только карательную, но и превентивную функцию. Они создают условия для предотвращения дальнейших правонарушений, что особенно актуально в контексте сложных уголовных дел, где действия подозреваемых или обвиняемых могут затруднить установление истины. Например, применение таких мер, как запрет определенных действий или домашний арест, позволяет ограничить контакты подозреваемого с

соучастниками, тем самым снижая риск влияния на свидетелей или уничтожения доказательств. Эта превентивная роль подчеркивает их значение как инструмента обеспечения общественной безопасности на стадии расследования.

А.А. Теппеев отмечает, что в юридической науке меры уголовно-процессуального принуждения «чаще всего определяются как предусмотренные УПК РФ средства принудительного воздействия, обусловленные наличием уголовно-процессуальных условий и порядка производства базирующихся на законодательстве, порождающие серьезное ущемление прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства, при помощи воздействия на них физически, материально, психологически, а также морально. Данное определение, отвечает всем требованиям понятия мер процессуального принуждения:

- является средствами принудительного характера;
- обозначает тех лиц, к кому могут быть применены меры данного характера;
- отмечаются все препятствия и назначение целей мер принуждения;
- предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством;
- даёт прямое обозначение на тех должностных лиц, которые имеют законное право применять данные меры» [24, с. 236].

Е.В. Вологина отмечает, что «особенности мер уголовно-процессуального принуждения состоят в следующем:

- применение данных мер возможно только в рамках возбужденного уголовного дела;
- их исчерпывающий перечень содержится в УПК РФ;
- уголовно-процессуальным законом четко регламентирован порядок применения каждой меры принуждения;
- эти меры носят временный характер, т. к. отменяются, когда в них отпадает необходимость;

- наиболее строгие меры принуждения применяются только по решению суда (заключение под стражу, наложение ареста на имущество и др.);
- меры принуждения применяются независимо от воли лиц, в отношении которых они реализуются» [11, с. 39].

Система мер процессуального принуждения в УПК РФ структурирована с учетом их иерархии и специфики применения, что позволяет адаптировать меры к различным стадиям уголовного процесса и статусу участников.

Раздел IV УПК РФ включает три ключевые главы, которые отражают эволюцию института от оперативных и срочных действий до более длительных и комплексных ограничений.

Глава 12 регулирует задержание подозреваемого как срочную меру, основанную на непосредственной необходимости пресечения общественно опасных действий (статьи 91–96), где акцент делается на оперативности и минимальной продолжительности, с обязательным уведомлением заинтересованных лиц для предотвращения злоупотреблений. Согласно ст. 91 УПК РФ орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления [25].

Глава 13 УПК РФ посвящена мерам пресечения, которые предполагают более длительное воздействие на подозреваемых и обвиняемых. Эти меры включают подписку о невыезде (статья 102), личное поручительство (статья 103), наблюдение командования воинской части (статья 104); присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (статья 105); запрет определенных действий (статья 105.1); залог (статья 106), домашний арест (статья 107) и

заключение под стражу (статья 108), выбор которых осуществляется с учетом обстоятельств, перечисленных в статье 99 УПК РФ [25].

Глава 14 УПК РФ регулирует иные меры процессуального принуждения, применяемые в целях обеспечения порядка судопроизводства и исполнения приговора. Здесь дифференциация особенно заметна, поскольку для подозреваемых и обвиняемых предусмотрены обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество и приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами или авансами за услуги связи, в то время как для потерпевших, свидетелей, гражданских истцов, ответчиков, экспертов, специалистов, переводчиков и понятых возможны обязательство о явке, привод и денежное взыскание как инструмент стимулирования надлежащего поведения без чрезмерной репрессивности [25].

Е.В. Вологина представляет классификацию мер уголовно-процессуального принуждения, отмечая, что «по содержанию принуждение может быть физическим или психическим. В последнем случае решение может исполняться добровольно, однако оно не всегда носит правоограничительный характер. Вид ограничиваемого права и степень его ограничения позволяют разделять меры принуждения по степени строгости. По основанию применения принуждение может быть последующим или предупреждающим (превентивным). Последующее принуждение является последствием нарушения процессуальных норм – процессуальной ответственностью нарушителя. Основанием его применения служит уголовно – процессуальное правонарушение. Дополнительно, по целям применения последующее принуждение делится на карательное (цель – возложение ответственности на виновного в нарушении) и восстановительное, или меры защиты (цель которых состоит не столько в возложении ответственности, сколько в восстановлении нарушенного правопорядка)» [11, с. 39].

Важность системы мер процессуального принуждения усиливается в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. Современные

технологии, такие как системы мониторинга или электронные браслеты для домашнего ареста, позволяют повысить эффективность контроля за соблюдением мер пресечения, одновременно снижая нагрузку на правоохранительные органы.

Система мер процессуального принуждения эволюционирует от срочных до превентивных и вспомогательных форм, что обусловлено необходимостью адаптации к динамике уголовного процесса. Каждая мера служит инструментом минимизации рисков, таких как уклонение от следствия или воспрепятствование правосудию, при этом обеспечивается судебный контроль для соблюдения законности. Значение этих мер заключается в их способности одновременно защищать публичные интересы – стабильность правопорядка и защиту общества от преступности – и обеспечивать процессуальную справедливость. С позиции принципа презумпции невиновности (статья 14 УПК РФ) эти меры способствуют формированию доказательственной базы без необоснованных задержек, одновременно минимизируя психологическое и социальное давление на участников. Более того, их роль усиливается в условиях цифровизации и глобализации преступности, где, например, пункт 5 «приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи» (п. 5 введен Федеральным законом от 31.07.2025 № 278-ФЗ) позволяет оперативно блокировать финансовые потоки, связанные с незаконной деятельностью.

Таким образом, система мер процессуального принуждения не только структурирует уголовный процесс, но и служит этическим компромиссом, балансируя репрессивный потенциал государства с защитой фундаментальных прав, что делает ее неотъемлемой частью современного правосудия.

1.2 Понятие и система мер пресечения, их отличие от иных мер процессуального принуждения

Меры пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации представляют собой особую категорию мер уголовно-процессуального принуждения, направленных на обеспечение надлежащего поведения подозреваемых и обвиняемых в целях предотвращения их уклонения от следствия, суда или исполнения приговора, а также воспрепятствования производству по уголовному делу. Согласно статье 98 УПК РФ, мерами пресечения являются: подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу [25].

Основное отличие мер пресечения от иных мер процессуального принуждения заключается в их функциональной специализации. Если иные меры, такие как обязательство о явке, привод или наложение ареста на имущество, применяются к широкому кругу участников процесса (включая свидетелей, потерпевших, экспертов) и направлены на обеспечение порядка судопроизводства в целом, то меры пресечения ориентированы исключительно на подозреваемых и обвиняемых. Их цель – предотвратить действия, которые могут препятствовать расследованию или исполнению судебного решения.

Как отмечает В.В. Рудич, меры пресечения следует понимать как «те принудительные меры, которые ограничивают свободу обвиняемого» [23, с. 25]. При этом исследователь отмечает, что «в настоящее время существует и иное мнение, согласно которому принудительное применение мер пресечения может не только принимать форму ограничения свободы или ее лишения, но и быть сопряженным с поражением в иных личных и имущественных правах» [23, с. 25].

Эволюция представлений о мерах процессуального принуждения отражает изменения в понимании прав человека и принципов справедливого судопроизводства. Если ранее акцент делался преимущественно на ограничении физической свободы, то современные подходы подчеркивают необходимость более гибкого и дифференцированного применения мер. Например, введение в УПК РФ такой меры, как запрет определенных действий (статья 105.1), свидетельствует о стремлении законодателя минимизировать репрессивное воздействие, сохраняя при этом эффективность уголовного процесса. Это позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства дела, такие как социальный статус обвиняемого или характер совершенного преступления, что способствует более справедливому правосудию.

Е.В. Вологина отмечает, что «меры пресечения – это меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые в отношении обвиняемого и в исключительных случаях – подозреваемого, заключающиеся во временном ограничении их конституционных прав. Меры пресечения как меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой предусмотренные уголовно-процессуальным законом процессуальные средства принудительного характера, применяемые в сфере уголовного судопроизводства уполномоченными на то должностными лицами и государственными органами, при наличии оснований и в порядке, установленном законом в отношении подозреваемых и обвиняемых, для предупреждения и пресечения правонарушений этих лиц в целях успешного расследования и разрешения уголовного дела и выполнения иных задач уголовного судопроизводства» [11, с. 39].

Л.И. Лавдаренко, Л.П. Плеснева, В.А. Воткин отмечают, что «сущность мер пресечения заключается в том, что они, будучи мерами государственно-го принуждения, представляют собой один из государственно-властных способов подавления отрицательных волевых устремлений определенных субъектов, обеспеченных нормами права, проявляются в психическом, в некоторых случаях – физическом воздействии на подозреваемых

(обвиняемых) для исполнения ими процессуальных обязанностей, а также предотвращения гипотетического уклонения от исполнения данных обязанностей» [19, с. 97].

При этом исследователи отмечают, что «особенности принудительного воздействия на поведение подозреваемых (обвиняемых) являются основанием как для выделения мер пресечения в отдельный институт, так и для их разграничения на отдельные, самостоятельные виды. Каждая из существующих мер пресечения имеет собственное содержание, отличное от других мер пресечения. Обладая существенным ограничительным характером, каждая мера пресечения должна быть четко обозначена, иметь чёткую регламентацию с целью исключения произвольного применения» [19, с. 97].

Меры пресечения, как особый институт уголовно-процессуального права, играют ключевую роль в обеспечении баланса между публичными и частными интересами. Их применение должно быть строго обоснованным, чтобы избежать необоснованного ущемления прав личности, что особенно важно в контексте соблюдения принципа презумпции невиновности (статья 14 УПК РФ). В то же время, меры пресечения должны быть достаточно эффективными для предотвращения рисков, связанных с уклонением от правосудия или воспрепятствованием расследованию. Эта двойственная природа подчеркивает их уникальность в системе процессуального принуждения и требует от правоприменителей высокого уровня профессионализма и ответственности.

Система мер пресечения, закрепленная в главе 13 УПК РФ, характеризуется иерархической структурой, где меры варьируются от минимально ограничивающих (подписка о невыезде) до наиболее строгих (заключение под стражу). Подписка о невыезде (статья 102 УПК РФ) предполагает обязательство лица не покидать место жительства без разрешения органа, ведущего уголовный процесс, и являться по вызову. Личное поручительство (статья 103 УПК РФ) и наблюдение командования

воинской части (статья 104 УПК РФ) основаны на социальной ответственности поручителей или воинского командования за поведение обвиняемого. Присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (статья 105 УПК РФ) учитывает возрастные особенности и направлен на минимизацию репрессивного воздействия. Запрет определенных действий (статья 105.1 УПК РФ), введенный Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ, позволяет судам гибко ограничивать поведение обвиняемого, например, запрещая общение с определенными лицами или использование интернета. Залог (статья 106 УПК РФ) представляет собой финансовую гарантию явки, а домашний арест (статья 107 УПК РФ) и заключение под стражу (статья 108 УПК РФ) являются наиболее строгими мерами, связанными с ограничением или лишением свободы.

Современные реалии уголовного судопроизводства, включая цифровизацию и транснациональный характер преступности, требуют дальнейшего совершенствования системы мер пресечения. Например, использование электронных средств контроля, таких как браслеты для мониторинга местоположения при домашнем аресте, позволяет повысить эффективность применения мер пресечения, минимизируя при этом затраты на содержание под стражей. Однако такие инновации поднимают вопросы о защите персональных данных и возможных злоупотреблениях, что требует усиления судебного надзора и разработки новых нормативных механизмов.

Е.В. Вологина отмечает, что «цели применения мер пресечения заключаются в предупреждении попыток подозреваемого или обвиняемого скрыться от дознания, предварительного следствия, суда или от мер обеспечения будущего приговора, продолжать занятие преступной деятельностью, угрожать кому-либо из участников уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства по уголовному делу» [11, с. 39]. Исследователь отмечает, что «меры пресечения обладают определенными характерными признаками. Они применяются только к обвиняемому и в исключительных случаях к подозреваемому, в то время как иные меры

принуждения могут применяться к достаточно широкому кругу участников процесса. Содержание мер пресечения состоит в том, что они на довольно длительный период ограничивают личную свободу обвиняемого. Меры пресечения применяются со строго определенными целями. Для применения мер пресечения необходимы основания, которыми являются: наличие достаточных данных полагать, что лицо скроется от дознания, предварительного следствия, суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства; может уничтожить документы либо иным путем воспрепятствовать производству по делу; и необходимость обеспечения исполнения приговора» [11, с. 39].

Анализ системы мер пресечения выявляет их тесную связь с принципами гуманизма и пропорциональности, закрепленными в уголовно-процессуальном законодательстве. Например, выбор меры пресечения в соответствии со статьей 99 УПК РФ должен учитывать тяжесть преступления, личность обвиняемого, его семейное положение и иные обстоятельства. Это позволяет избежать излишне строгих мер в ситуациях, где достаточно менее репрессивных ограничений, таких как подписка о невыезде или залог. Такой подход способствует реализации принципа индивидуализации правосудия, который становится особенно актуальным в условиях роста числа уголовных дел, связанных с экономическими и киберпреступлениями.

Отличие мер пресечения от иных мер процессуального принуждения также проявляется в их правовом регулировании. Меры пресечения подлежат строгому судебному контролю, особенно в случае применения домашнего ареста или заключения под стражу, что соответствует статье 22 Конституции РФ, требующей судебного решения для ограничения свободы [17]. В отличие от этого, иные меры, такие как привод или наложение ареста на имущество, могут применяться органами следствия или дознания во внесудебном порядке, что подчеркивает их вспомогательный характер.

Таким образом, меры пресечения занимают центральное место в системе процессуального принуждения, обеспечивая баланс между необходимостью правосудия и защитой прав личности. Их дальнейшее реформирование должно быть направлено на повышение гибкости, усиление судебного контроля и учет современных вызовов, чтобы институт мер пресечения оставался эффективным инструментом правосудия в условиях динамично меняющегося мира.

1.3 Основания и условия избрания мер пресечения

Раскроем основания и условия избрания мер пресечения. Н.А. Андроник отмечает, что «огромное значение в теории уголовного процесса и практической деятельности является вопрос об основаниях и условиях избрания мер пресечений. Термин «основание» означает существенный признак, по которому распределяются явления, понятия, причины, достаточный повод, оправдывающие что-нибудь. Термин «условие» означает наличие обстоятельств, от которых что-нибудь зависит. Основания, закрепленные в ст. 97 УПК РФ, являются универсальными при избрании любой меры пресечения, а понятие «условия избрания мер пресечения» в нем отсутствуют» [1, с. 26].

При применении мер пресечения особое значение имеет принцип соразмерности, который требует, чтобы ограничение прав и свобод личности было минимально необходимым для достижения целей уголовного судопроизводства. Например, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу допустимо только в случаях, когда иные, менее строгие меры не могут обеспечить выполнение процессуальных задач.

Итак, основания избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации закреплены в статье 97 УПК РФ и представляют собой правовую основу, обеспечивающую законность и обоснованность применения данных мер. Согласно статье 97 УПК РФ,

дознатель, следователь или суд вправе избрать меру пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый: 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда; 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу [25]. Эти основания являются исчерпывающими и направлены на предотвращение рисков, угрожающих нормальному ходу уголовного процесса.

Судебная практика показывает, что несоблюдение оснований, указанных в статье 97 УПК РФ, может привести к признанию избранной меры пресечения незаконной. Постановления Пленума Верховного Суда РФ подчеркивают, что суды обязаны мотивировать свои решения, указывая конкретные факты, свидетельствующие о наличии рисков, перечисленных в законе, таких как угроза свидетелям или уничтожение доказательств.

Кроме того, часть 2 статьи 97 УПК РФ предусматривает возможность избрания меры пресечения для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке экстрадиции, что подчеркивает их многофункциональный характер. Важным ограничением является часть 3 статьи 97 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 13.06.2023 № 220-ФЗ, которая запрещает применение мер пресечения в делах, по которым истекли сроки давности уголовного преследования, за исключением случаев, связанных с преступлениями, наказуемыми смертной казнью или пожизненным лишением свободы [25]. Это положение отражает стремление законодателя минимизировать необоснованное ограничение прав лиц, в отношении которых уголовное преследование утратило актуальность.

Н.А. Андроник выделяет несколько групп условий избрания меры пресечения:

- «общие условия: во-первых, наличие возбужденного уголовного дела, то есть наличие в материалах уголовного дела законного и

обоснованного постановления о возбуждении уголовного дела с указанием квалификации преступления по уголовному кодексу РФ; во-вторых, определенный уголовно-процессуальный статус лица в качестве обвиняемого или подозреваемого. По общему правилу мера пресечения может быть избрана только в отношении обвиняемого. При избрании меры пресечения в отношении обвиняемого лицу должно быть сформулировано и предъявлено обвинение в совершении преступления и вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого с соблюдением уголовно-процессуального законодательства. От правильной уголовно-правовой квалификации действий лица, тяжести преступления во многом будет зависеть правильность избранной меры пресечения;

- специальные условия, которые должны учитываться при избрании той или иной меры пресечения, например, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста следует учитывать наличие жилого помещения, в котором обвиняемый (подозреваемый) является собственником или нанимателем жилого помещения» [1, с. 28].

Значимость строгого соблюдения оснований и условий избрания мер пресечения возрастает в условиях современных вызовов, таких как рост транснациональной преступности и цифровизация уголовного судопроизводства. Например, использование электронных средств контроля, таких как системы мониторинга при домашнем аресте, требует четкого определения оснований их применения, чтобы избежать нарушения права на неприкосновенность частной жизни, гарантированного статьей 23 Конституции РФ.

Таким образом, основания и условия избрания мер пресечения формируют правовую рамку, обеспечивающую баланс между интересами правосудия и защитой прав личности. Их применение требует строгого соблюдения принципов законности, соразмерности и индивидуализации, что

подтверждается как нормами УПК РФ, так и разъяснениями высших судебных инстанций.

1.4 Порядок избрания, изменения и отмены мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ

Порядок избрания, изменения и отмены мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации регулируется нормами УПК РФ, которые устанавливают строгие процедурные требования, направленные на обеспечение законности и защиты прав участников процесса. Как подчеркивает Э.С. Джафарова, «социальное предназначение государства предопределяет его обязанность гарантировать обоснованное и законное применение мер пресечения. Достижению этого способствует закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве исчерпывающего перечня мер пресечения, оснований, условий и порядка избрания каждой из них» [14, с. 51]. Данный факт подчеркивает важность строгой нормативной регламентации, которая исключает произвольное применение мер и обеспечивает их соответствие принципам законности и справедливости.

Обеспечение права на защиту является ключевым элементом процедуры избрания мер пресечения. Согласно статье 108 УПК РФ, при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу суд обязан обеспечить участие защитника и предоставить обвиняемому или подозреваемому возможность высказать свою позицию, что соответствует статье 46 Конституции РФ [17].

Согласно статье 100 УПК РФ, мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого в исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных статьей 97, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 УПК РФ. При этом обвинение должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а в случае задержания с последующим заключением под стражу – в тот же срок с момента задержания. Для ряда тяжких и особо тяжких преступлений, перечисленных в части 2

статьи 100 УПК РФ, этот срок увеличивается до 45 суток [25]. Если обвинение не предъявлено в установленный срок, мера пресечения немедленно отменяется, что служит гарантией против необоснованного ограничения свободы. Эти положения служат гарантией против необоснованного ограничения свободы, требуя предъявления обвинения в установленные сроки.

Э.С. Джафарова подчеркивает, что «процедура избрания меры пресечения представляет собой отдельные действия или совокупность процессуальных действий и решений субъектов уголовного процесса» [14, с. 52]. Исследователь отмечает, что для мер пресечения, требующих судебного решения (например, залог, домашний арест, заключение под стражу, запрет определенных действий), характерно наличие стадийного производства, включающего подготовительный этап, ознакомление стороны защиты с материалами и судебное разбирательство. Это отличает их от мер, избираемых следователем или дознавателем самостоятельно, где отсутствует подробная законодательная регламентация и стадийность.

Согласно части 1 статьи 99 УПК РФ, при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения должны учитываться тяжесть преступления, его совершение с применением насилия или угрозой его применения, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства [25]. Эти факторы позволяют правоприменителю адаптировать меру пресечения к конкретной ситуации, минимизируя риск избыточного ограничения прав. Например, для лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, часть 2 статьи 99 УПК РФ обязывает рассматривать возможность выбора меры, позволяющей продолжить осуществление их профессиональной деятельности, за исключением случаев с изъятим или арестованным имуществом [25].

Одной из ключевых проблем является недостаточная индивидуализация при выборе мер пресечения. Как отмечает О.Г. Иванова, «наибольшая

сложность при решении вопроса об избрании мер пресечения и при выборе конкретной меры пресечения заключается в необходимости прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого)» [15, с. 5]. Это требует от суда тщательного анализа всех обстоятельств дела, включая социальный статус, семейные обстоятельства и потенциальные риски, чтобы избежать необоснованного применения строгих мер, таких как заключение под стражу. Такой подход способствует реализации принципа гуманизма и минимизации репрессивного воздействия на личность.

Процедура избрания меры пресечения закреплена в статье 101 УПК РФ, согласно которой дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд – определение, содержащее указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и основания для избрания меры пресечения. Копия постановления или определения вручается лицу, в отношении которого оно вынесено, а также его защитнику или законному представителю по их просьбе. Одновременно разъясняется порядок обжалования решения, что соответствует статьям 123-127 УПК РФ, регулирующим процедуру обжалования [25]. Эти положения обеспечивают прозрачность процесса и право на защиту, что особенно важно при применении мер, ограничивающих свободу.

Изменение или отмена меры пресечения осуществляются в случае изменения обстоятельств, послуживших основанием для ее избрания, или при отсутствии необходимости в дальнейшем применении меры. Согласно статье 110 УПК РФ, мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость, либо изменяется на более мягкую или строгую при наличии достаточных оснований. Решение об изменении или отмене меры пресечения также оформляется постановлением или определением и подлежит судебному контролю в случае, если мера связана с ограничением свободы. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 подчеркивает, что судам следует проверять наличие оснований для продления

срока действия меры пресечения, особенно в случае заключения под стражу, чтобы избежать необоснованного ограничения прав [22].

Как указывает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, при принятии решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока ее действия судам необходимо обеспечивать соблюдение прав подозреваемого, обвиняемого, гарантированных статьей 22 Конституции РФ [22]. Это подчеркивает важность судебного контроля и соблюдения конституционных гарантий при применении мер, ограничивающих свободу. В.В. Рудич также указывает на необходимость реформирования системы мер пресечения, чтобы устранить их «перекос» в сторону заключения под стражу, предлагая шире использовать альтернативные меры, такие как залог или запрет определенных действий [23, с. 29]. Такой подход позволил бы повысить гибкость системы и снизить репрессивное воздействие на обвиняемых.

Критический анализ порядка применения мер пресечения показывает, что, несмотря на детальную нормативную регламентацию, в правоприменительной практике сохраняется тенденция к предпочтению заключения под стражу. В.В. Рудич отмечает, что «положение не изменится до тех пор, пока не произойдут концептуальные изменения в организации системы мер пресечения» [23, с. 28].

Таким образом, порядок избрания, изменения и отмены мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ представляет собой строго регламентированный процесс, направленный на обеспечение баланса между необходимостью правосудия и защитой прав личности. Судебный контроль и четкие процедурные требования служат гарантией законности, однако реформирование системы в сторону большей гибкости и индивидуализации остается актуальной задачей.

Подводя итоги проведенного в первой главе исследования, следует отметить следующее.

Меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой совокупность законодательно предусмотренных действий, ограничивающих права участников процесса для обеспечения беспрепятственного судопроизводства. Они выполняют как карательные, так и превентивные функции, предотвращая уклонение от следствия, давление на свидетелей или уничтожение доказательств. Система мер, структурированная в Разделе IV УПК РФ, включает задержание, меры пресечения и иные меры принуждения, адаптированные к стадиям процесса и статусу участников. Их значение заключается в поддержании правопорядка и общественной безопасности при соблюдении принципов законности (статья 7 УПК РФ) и презумпции невиновности (статья 14 УПК РФ). Внедрение современных технологий, таких как электронные браслеты, повышает эффективность контроля, но требует усиления судебного надзора для защиты прав личности, что делает этот институт неотъемлемой частью современного правосудия.

Меры пресечения – это специфический вид процессуального принуждения, применяемый исключительно к подозреваемым и обвиняемым для предотвращения уклонения от следствия, суда или продолжения преступной деятельности. Закрепленные в статье 98 УПК РФ, они включают подписку о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним, запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу. В отличие от иных мер, таких как привод или арест имущества, меры пресечения имеют узкую целевую направленность, более длительное воздействие и строгий судебный контроль, особенно при ограничении свободы (статья 22 Конституции РФ). Их иерархическая структура позволяет варьировать степень ограничений, но требует гибкого применения для соблюдения принципов гуманизма и пропорциональности, что подчеркивает необходимость дальнейшего реформирования в условиях цифровизации и транснациональной преступности.

Основания избрания мер пресечения, закрепленные в статье 97 УПК РФ, включают наличие достаточных данных о возможном уклонении, продолжении преступной деятельности или воспрепятствовании следствию. Условия, такие как возбуждение уголовного дела и статус лица (подозреваемый или обвиняемый), обеспечивают правовую основу их применения. Принцип соразмерности требует минимального ограничения прав, что особенно важно для строгих мер, таких как заключение под стражу. Судебная практика подчеркивает необходимость мотивировки решений, однако несоблюдение оснований может привести к их отмене. Современные вызовы, включая цифровизацию и транснациональную преступность, требуют четкого регулирования применения электронных средств контроля, чтобы избежать нарушения права на частную жизнь (статья 23 Конституции РФ), обеспечивая баланс между правосудием и защитой личности.

Порядок избрания, изменения и отмены мер пресечения строго регламентирован УПК РФ, требуя вынесения мотивированных постановлений или определений с учетом тяжести преступления, личности обвиняемого и других обстоятельств (статья 99 УПК РФ). Судебный контроль, особенно при ограничении свободы, обеспечивает соблюдение конституционных гарантий (статья 46 Конституции РФ). Однако практика показывает склонность к чрезмерному применению заключения под стражу, что противоречит принципу гуманизма. Процедура включает право на защиту и обжалование, но недостаточная индивидуализация решений и формальный подход к продлению мер требуют реформирования.

Глава 2 Общая характеристика отдельных мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ

2.1 Подписка о невыезде и надлежащем поведении. Личное поручительство

Система мер пресечения в российском уголовном процессе построена по принципу возрастающей строгости ограничений, где наиболее мягкие меры играют особую роль в обеспечении баланса между интересами правосудия и защитой прав личности. Подписка о невыезде и личное поручительство представляют собой фундаментальные институты, основанные на принципе доверия к участникам уголовного судопроизводства и минимального вмешательства в их права и свободы. Эти меры отражают гуманистический подход современного уголовно-процессуального законодательства, направленный на предотвращение чрезмерной репрессивности при сохранении эффективности уголовного преследования. Их применение особенно значимо в контексте презумпции невиновности и необходимости индивидуализации мер процессуального принуждения с учетом характера преступления, личности обвиняемого и конкретных обстоятельств дела.

Подписка о невыезде и надлежащем поведении является одной из наиболее мягких мер пресечения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ). Согласно статье 102 УПК РФ, подписка о невыезде и надлежащем поведении состоит в письменном обязательстве подозреваемого или обвиняемого: не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу [25].

Эта мера направлена на обеспечение явки подозреваемого или обвиняемого в органы расследования и суд, а также на предотвращение

действий, которые могут затруднить расследование, таких как уничтожение доказательств или давление на свидетелей. Ее применение не связано с изоляцией от общества, что делает подписку о невыезде минимально репрессивной мерой. Процедура избрания подписки о невыезде предполагает вынесение соответствующего постановления дознавателем, следователем или определения суда, в котором указываются конкретные обязательства лица и разъясняются последствия их нарушения.

Особенность данной меры заключается в том, что она основывается исключительно на добросовестности подозреваемого или обвиняемого, не предполагая дополнительных механизмов принуждения или контроля. Это создает определенные риски для эффективности уголовного судопроизводства, поскольку лицо может нарушить взятые на себя обязательства без непосредственных санкций. В то же время подписка о невыезде позволяет сохранить социальные связи лица, его трудовую деятельность и семейные отношения, что способствует его ресоциализации и минимизирует негативные последствия уголовного преследования.

Применение подписки о невыезде особенно актуально в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, когда отсутствуют основания полагать, что они скроются от следствия или суда. Законодатель предусматривает возможность замены подписки о невыезде на более строгую меру пресечения в случае нарушения лицом взятых на себя обязательств, что служит дополнительным стимулом для их соблюдения.

М.Г. Оленев, А.Г. Артёмова подчеркивают недостатки правового регулирования подписки о невыезде, отмечая, что «статья 102 УПК РФ не ограничивает во времени срок действия подписки о невыезде, таким образом, гражданин лишается свободы передвижения на неопределенный срок» [21, с. 47]. Это создает риск чрезмерного ограничения конституционного права на свободу передвижения, закрепленного в статье 27 Конституции РФ, особенно в случаях затяжного расследования.

Исследователи также характеризуют подписку как «самую необеспеченную» меру, поскольку ее исполнение зависит исключительно от добросовестности лица, к которому она применена, без дополнительных механизмов контроля, таких как электронный мониторинг или залог [21, с. 47]. Это делает подписку уязвимой с точки зрения эффективности, так как отсутствие санкций за нарушение обязательств, кроме изменения меры на более строгую, снижает ее превентивный потенциал.

Дополнительной проблемой является отсутствие четких критериев для определения момента, когда подписка о невыезде должна быть отменена или заменена на другую меру. Это приводит к субъективизму в правоприменении и может создавать ситуации, когда лица длительное время находятся под ограничениями без объективной необходимости. Кроме того, механизм контроля за соблюдением обязательств по подписке о невыезде остается несовершенным, что снижает эффективность данной меры как инструмента обеспечения уголовного судопроизводства.

Несмотря на указанные недостатки, подписка о невыезде сохраняет важное значение в системе мер пресечения как наиболее гуманная альтернатива более строгим ограничениям. Ее применение соответствует принципу соразмерности, закрепленному в статье 55 Конституции РФ, согласно которому ограничения прав и свобод должны быть минимально необходимыми для достижения поставленных целей.

Тем не менее, подписка о невыезде обладает рядом преимуществ. Во-первых, она позволяет сохранить социальные связи и профессиональную деятельность подозреваемого или обвиняемого, что особенно важно для лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, как указано в части 2 статьи 99 УПК РФ. Во-вторых, эта мера минимизирует финансовую нагрузку на государство, поскольку не требует затрат на содержание лица в изоляции.

Критическая важность процессуальной дисциплины даже при применении минимальных ограничений выявляется в апелляционном постановлении Томского областного суда от 22 января 2025 года по делу № 1-

247/2024 [2]. ФИО1, осужденный за хулиганство на воздушном транспорте (п. п. «а», «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ), получил меру пресечения в виде подписки о невыезде до вступления приговора в силу. Апелляционный суд отменил приговор и меру из-за отсутствия письменного обязательства согласно ст. 102 УПК РФ и процессуальных ошибок. Данный пример подчеркивает строгость процессуальных требований даже для минимальных ограничений, демонстрируя, что нарушение формальных требований влечет отмену решения независимо от тяжести преступления.

Личное поручительство представляет собой более сложную меру пресечения, которая предполагает вовлечение третьих лиц в обеспечение надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого. Согласно статье 103 УПК РФ, личное поручительство состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса; избрание личного поручительства в качестве меры пресечения допускается по письменному ходатайству одного или нескольких поручителей с согласия лица, в отношении которого дается поручительство; поручителю разъясняются существо подозрения или обвинения, а также обязанности и ответственность поручителя, связанные с выполнением личного поручительства; в случае невыполнения поручителем своих обязательств на него может быть наложено денежное взыскание в размере до десяти тысяч рублей в порядке, установленном статьей 118 настоящего Кодекса [25]. Эта мера основывается на социальной ответственности поручителя, который, по сути, выступает гарантом добросовестного поведения лица, в отношении которого избрана мера.

Личное поручительство предполагает более высокий уровень доверия к подозреваемому или обвиняемому, поскольку его применение возможно только при наличии заслуживающего доверия поручителя, чья репутация и социальный статус учитываются правоприменителем. Однако, как показывает

практика, эта мера применяется относительно редко из-за сложности поиска подходящих поручителей и отсутствия четких критериев оценки их «заслуживающего доверия» статуса.

Личное поручительство редко используется в правоприменительной практике, так как требует активного вовлечения третьих лиц, что не всегда возможно в условиях уголовного процесса. Кроме того, отсутствие механизмов ответственности поручителей за неисполнение обязательств, кроме морального аспекта, снижает эффективность этой меры.

Вместе с тем личное поручительство способствует гуманизации уголовного процесса, позволяя избежать более строгих мер, таких как заключение под стражу. Оно также соответствует принципу индивидуализации, поскольку учитывает социальные связи и репутацию лица.

2.2 Наблюдение командования воинской части. Присмотр за несовершеннолетним обвиняемым

Дифференциация мер пресечения в зависимости от субъектного состава участников уголовного судопроизводства является важнейшим проявлением принципа индивидуализации в российском уголовном процессе. Наблюдение командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним обвиняемым представляют собой специализированные меры, учитывающие особый правовой статус военнослужащих и несовершеннолетних, их специфические потребности и ограничения. Эти институты отражают стремление законодателя к максимальной адаптации процессуальных механизмов к социальным реалиям и особенностям различных категорий граждан. Военнослужащие, находящиеся в условиях особого правового режима военной службы, и несовершеннолетние, требующие повышенной защиты и воспитательного воздействия, нуждаются в специальных подходах, учитывающих как их уязвимость, так и возможности эффективного контроля за их поведением в рамках существующих социальных институтов.

Наблюдение командования воинской части является специализированной мерой пресечения, предназначенной для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву или по контракту, а также для граждан, проходящих военные сборы. Согласно статье 104 УПК РФ, наблюдение командования воинской части состоит в принятии мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, в целях обеспечения выполнения подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса, то есть явки по вызовам и непрепятствования производству по делу. Часть 2 статьи 104 УПК РФ уточняет, что наблюдение командования воинской части избирается только с согласия подозреваемого или обвиняемого, а также командования воинской части, в которой он проходит военную службу [25].

Эта мера опирается на дисциплинарные механизмы военной службы, что делает ее уникальной в системе мер пресечения. Специфика военной службы предполагает наличие строгой иерархии, дисциплинарной ответственности и ограниченной свободы передвижения, что создает дополнительные возможности для контроля за поведением военнослужащих. Командование воинской части обладает широкими полномочиями по регулированию режима службы и быта военнослужащих, что может быть использовано для обеспечения их надлежащего поведения.

Процедура применения наблюдения командования воинской части предполагает координацию между органами предварительного расследования, судом и командованием воинской части. Это требует четкого взаимодействия между различными ведомствами и понимания специфики военной службы. Командование должно быть проинформировано о характере обвинения, обстоятельствах дела и конкретных обязательствах, возложенных на военнослужащего.

Эффективность наблюдения командования воинской части во многом зависит от характера воинской части, условий службы и личности командиров. В некоторых случаях строгий контроль и дисциплина могут обеспечить

высокую эффективность данной меры, в то время как в других ситуациях недостаточная мотивация командования или организационные проблемы могут снизить ее действенность.

Т.Н. Кипрова подчеркивает ограниченную сферу применения этой меры, отмечая, что «на практике данная мера пресечения является специализированной и применяется, как правило, к военнослужащим срочной службы (реже – к гражданам, проходящим военные сборы). Это связано с тем, что иные категории военнослужащих (например, офицеры, прапорщики) не могут быть лишены права свободного передвижения за пределами воинской части, что исключает реальную возможность наблюдения за ними со стороны командования» [16, с. 197]. Действительно, эффективность наблюдения командования воинской части во многом зависит от строгой дисциплины и контроля, присущих военной среде, что делает эту меру неприменимой к военнослужащим, обладающим большей свободой передвижения. Кроме того, Т.Н. Кипрова указывает на необходимость усиления ответственности командования за исполнение судебных решений, поскольку отсутствие четких санкций за ненадлежащее наблюдение снижает превентивный потенциал меры [16, с. 197].

Преимуществом наблюдения командования является его адаптированность к условиям военной службы, что позволяет минимизировать вмешательство в повседневную жизнь военнослужащего, сохраняя при этом контроль над его поведением. Однако ограниченная сфера применения и зависимость от согласия командования создают сложности в правоприменении. Кроме того, смена места службы или увольнение военнослужащего требуют немедленного пересмотра меры пресечения, что создает дополнительные организационные сложности.

Присмотр за несовершеннолетним обвиняемым представляет собой меру пресечения, учитывающую возрастные и психологические особенности несовершеннолетних. Согласно статье 105 УПК РФ, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым состоит в обеспечении

его надлежащего поведения, предусмотренного пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса, родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний, о чем указанные лица дают письменное обязательство [25]. Часть 2 статьи 105 УПК РФ уточняет, что при избрании в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде присмотра за ним дознаватель, следователь, судья выносят постановление, а суд – определение, содержащее сведения о том, кому поручен присмотр за несовершеннолетним [25].

Данная мера направлена на минимизацию репрессивного воздействия на несовершеннолетнего, обеспечивая его социальную адаптацию и защиту прав, закрепленных в статье 37 Конституции РФ и Конвенции ООН о правах ребенка. Применение присмотра за несовершеннолетним отражает признание особого статуса детей в уголовном судопроизводстве и необходимость применения к ним специальных подходов, учитывающих их физическое, психическое и социальное развитие.

Особенностью присмотра за несовершеннолетним является его воспитательный характер, который отличает эту меру от других форм пресечения. Она предполагает активное участие родителей или других лиц, что способствует сохранению семейных связей и предотвращению изоляции несовершеннолетнего от общества. Воспитательный аспект присмотра заключается не только в контроле за поведением несовершеннолетнего, но и в его психологической поддержке, помощи в осознании противоправности совершенного деяния и формировании правопослушного поведения.

Процедура избрания присмотра за несовершеннолетним требует тщательной оценки семейной ситуации, характера взаимоотношений между несовершеннолетним и лицами, которым может быть поручен присмотр, а также их способности обеспечить надлежащий контроль.

Однако присмотр за несовершеннолетним обвиняемым редко применяется из-за отсутствия четких механизмов контроля за исполнением обязательств лицами, ответственными за присмотр. Законодательство не предусматривает конкретных санкций за неисполнение обязательств по присмотру, что снижает эффективность данной меры. Кроме того, в некоторых случаях семейная ситуация может быть неблагополучной, что делает применение присмотра нецелесообразным или даже вредным для несовершеннолетнего.

Дополнительной проблемой является недостаточная координация между органами предварительного расследования, судами и органами опеки и попечительства при применении присмотра за несовершеннолетним. Это может приводить к формальному подходу к избранию данной меры без надлежащей оценки ее эффективности и соответствия интересам несовершеннолетнего.

Таким образом, наблюдение командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним обвиняемым представляют собой специализированные меры, которые требуют дальнейшего совершенствования для обеспечения их эффективности и соответствия принципам гуманизации уголовного процесса.

2.3 Запрет определенных действий. Залог. Домашний арест. Заключение под стражу

Современная система мер пресечения характеризуется расширением мер, альтернативных заключению под стражу ограничений, что отражает общемировую тенденцию гуманизации уголовного процесса и стремление к минимизации негативных последствий уголовного преследования для личности и общества. Запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу образуют иерархически организованную систему мер возрастающей строгости, каждая из которых предназначена для решения

специфических задач обеспечения уголовного судопроизводства. Эволюция этой системы отражает поиск оптимального баланса между необходимостью эффективного расследования и судебного разбирательства, с одной стороны, и защитой конституционных прав и свобод граждан – с другой. Особое значение приобретает правильное применение принципа subsidiarности, согласно которому более строгая мера может быть избрана только при невозможности достижения целей уголовного судопроизводства с помощью менее репрессивных средств, что требует тщательного анализа обстоятельств каждого конкретного дела и обоснованного судебного усмотрения.

Запрет определенных действий является относительно новой мерой пресечения, введенной Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ. Согласно части 1 статьи 105.1 УПК РФ, запрет определенных действий как мера пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных частью шестой настоящей статьи, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов [25]. Часть 6 статьи 105.1 УПК РФ перечисляет возможные запреты: выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [25].

Особенностью запрета определенных действий является его избирательный характер, позволяющий ограничить только те аспекты поведения подозреваемого или обвиняемого, которые могут препятствовать производству по уголовному делу. Например, при расследовании преступлений, связанных с насилием в семье, может быть наложен запрет на приближение к потерпевшему и его месту жительства, при этом сохраняя возможность продолжения трудовой деятельности и поддержания других социальных связей.

Процедура избрания запрета определенных действий требует тщательного обоснования необходимости каждого конкретного ограничения с учетом обстоятельств дела и личности обвиняемого. Суд должен мотивировать свое решение, объяснив, почему именно данные запреты необходимы для обеспечения надлежащего поведения лица и почему более мягкие меры не могут быть применены. Это требует от правоприменителей глубокого анализа материалов дела и индивидуального подхода к каждой ситуации.

М.Д. Филимонова подчеркивает гибкость этой меры, отмечая, что «запрет определенных действий – способ уголовно-процессуального регулирования, призванный осуществлять сдерживающую и обязывающую функции пресекательного воздействия на личность подозреваемого или обвиняемого в интересах правосудия по уголовным делам, который представляет собой законодательно установленное минимально возможное ограничение свободы передвижения, осуществления лицензионно-разрешительной деятельности и (или) коммуникации личности без изоляции от общества» [27, с. 76]. Эта мера позволяет индивидуализировать ограничения, адаптируя их к обстоятельствам дела и личности обвиняемого, что делает ее эффективной альтернативой более строгим мерам, таким как заключение под стражу. Однако статистика за 2018–2023 годы показывает, что запрет определенных действий применяется недостаточно широко (14836 ходатайств, из которых удовлетворено 13143), что связано с

недостаточной осведомленностью правоприменителей о возможностях этой меры и сложностью контроля за ее исполнением [27, с. 72-73].

Гибкость в применении запрета определенных действий представлена в апелляционном постановлении Верховного Суда Республики Крым от 28 января 2025 года по делу № 3/15-1/2025 [7]. ФИО1, обвиняемый в мошенничестве (ч. 3 и ч. 4 ст. 159 УК РФ), получил данную меру пресечения, заменившую заключение под стражу. Защита добилась исключения запрета на средства связи для трудовой деятельности, что показывает индивидуализацию ограничений при применении ст. 105.1 УПК РФ, позволяющую учитывать потребности обвиняемого. Решение отражает баланс между ограничениями и правами личности, показывая готовность судов к разумному компромиссу.

Залог представляет собой финансовую меру пресечения, направленную на обеспечение явки и надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого. Согласно статье 106 УПК РФ, залог состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства – в суд, денег, ценных бумаг, иного имущества либо имущественных прав в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к дознавателю, следователю или в суд, надлежащего поведения, а также исполнения приговора в части имущественных взысканий [25]. Размер залога определяется с учетом характера преступления и имущественного положения залогодателя, а его возврат осуществляется при отсутствии нарушений обязательств.

А.И. Цыреторов, А.Г. Анисимов указывают на низкую эффективность залога, отмечая, что «однозначно оценить реальную эффективность залога как меры пресечения в уголовном процессе РФ на сегодняшний день представляется затруднительным, главным образом, в силу редкости избрания данной меры пресечения судами в России» [28, с. 63]. Статистика подтверждает эту позицию: за 2018-2023 годы было подано лишь

122 ходатайства о применении залога, из которых удовлетворено 108 [27, с. 72]. Основная проблема заключается в недостаточной правовой регламентации и отсутствии практики применения залога, что ограничивает его потенциал как инструмента возмещения вреда и обеспечения явки.

Практика применения залога раскрывается в апелляционном постановлении Пермского краевого суда от 25 октября 2024 года по делу № 22-6102/2024 [5]. Щ., обвиняемый в присвоении или растрате в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ), получил меру пресечения в виде залога в 1 млн рублей с ноября 2023 года, продленного до 1 февраля 2025 года. Защита оспаривала продление, указывая на завершающую стадию разбирательства, отсутствие нарушений и положительные данные о личности: семья, ребенок, престарелые родители. Суд сохранил меру, ссылаясь на тяжесть обвинения и незавершенность дела. Данное решение подчеркивает использование залога на поздних стадиях для обеспечения процесса, демонстрируя применение ст. 106 и ст. 255 УПК РФ с осторожным подходом к снятию ограничений даже при правопослушном поведении обвиняемого.

Домашний арест занимает промежуточное положение между мерами, не связанными с изоляцией, и заключением под стражу. Согласно части 1 статьи 107 УПК РФ, домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля [25]. Ограничения могут включать запрет на выход из жилого помещения, общение с определенными лицами, использование средств связи и интернета.

Л.М. Фетищева подчеркивает, что «домашний арест является мерой пресечения, разрешающей, при существовании оснований для данной меры, а также для реализации исполнения приговора, где непременно перечислены

возраст, наличие заболеваний, семейное положение личности и остальных обстоятельств, применить к нему по указанному решению суда ограничения, сопряженные со свободой перемещения, наличия запрета на общение с какими-либо лицами, все действия, связанные с корреспонденцией, ведение переговоров с применением тех или иных средств связи» [26, с. 56]. В.В. Геранин и С.Н. Мальцева критикуют использование термина «изоляция от общества» в определении домашнего ареста, отмечая, что оно «не только не соответствует правовой природе домашнего ареста, но и осложняет его позиционирование в качестве альтернативы заключению под стражу» [12, с. 35]. За 2018-2023 годы удовлетворено 6 329 ходатайств о домашнем аресте из 7170 [27, с. 72].

Актуальным является вопрос отсутствия четкого правового регулирования вопроса о необходимости получения согласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым, при назначении меры пресечения в виде домашнего ареста. Исследователь И.М. Горбатых обоснованно обращает внимание на опасности, возникающие при игнорировании прав и интересов таких граждан, иллюстрируя это случаем из практики, когда обвиняемый, содержащийся под домашним арестом, совершил убийство потерпевшего, с которым совместно проживал [13, с. 62-62].

Домашний арест как менее строгая альтернатива заключению под стражу проявляется в апелляционном постановлении Томского областного суда от 29 января 2025 года по делу № 3/12-1/2025 [4]. К., обвиняемый в покушении на мошенничество в особо крупном размере (ч. 3 ст. 30 – ч. 4 ст. 159 УК РФ), находился под домашним арестом с мая 2024 года, продленным до 19 апреля 2025 года, что составляет 11 месяцев 4 дня. Защита предлагала залог, ссылаясь на семью и отсутствие судимостей, но суд обосновал продление сложностью дела и риском давления на свидетелей. Этот пример подчеркивает возможную длительность домашнего ареста в многоэпизодных преступлениях, демонстрируя применение ст. 107 и ст. 109

УПК РФ с приоритетом защиты следствия над личными обстоятельствами обвиняемого.

Заключение под стражу является наиболее строгой мерой пресечения, связанной с полной изоляцией от общества. Согласно части 1 статьи 108 УПК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Часть 1.1 статьи 108 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 28.02.2025 № 13-ФЗ, уточняет, что в исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения [25]. Эта мера применяется только при наличии оснований, предусмотренных статьями 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 УПК РФ.

Е.В. Михайлов указывает на системные недостатки в обосновании заключения под стражу, отмечая, что «органы предварительного расследования недостаточно учитывают особенности уголовного дела, характеристику личности подозреваемого или обвиняемого, его состояние здоровья, семейное положение, отсутствие судимости и т. д.» [20, с. 87].

В.Н. Борков, Б.Б. Булатов и А.В. Павлов подчеркивают, что «заключение под стражу в качестве меры пресечения к беременной женщине, женщине, имеющей малолетнего ребенка, мужчине, являющемуся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителю или опекуну малолетнего ребенка, единственному родителю, усыновителю, опекуну или попечителю ребенка-инвалида может быть применено в случае, если они подозреваются или обвиняются в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении указанных лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении

преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения. [10, с. 166].

Однако В.Н. Борков, Б.Б. Булатов и А.В. Павлов отмечают, что «общий запрет применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, совершивших преступления средней тяжести ненасильственного характера, при отсутствии исключительных обстоятельств создает предпосылки к возникновению угроз безопасности» [10, с. 169].

Заключение под стражу как наиболее строгая мера ярко проявляется в апелляционном постановлении Саратовского областного суда от 29 января 2025 года по делу № 3/2-6/2025 [3]. Г.А.В. обвинялся в покушении на сбыт наркотиков в крупном размере (ч. 3 ст. 30 – п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) и незаконном обороте оружия (ч. 1 ст. 222 УК РФ). С ноября 2024 года он содержался под стражей, и мера была продлена до 24 марта 2025 года. Защита настаивала на отсутствии доказательств рисков уклонения, подчеркивая отсутствие судимостей, признание вины и наличие иждивенцев, но апелляционный суд оставил решение в силе, ссылаясь на тяжесть преступления и потребности следствия. Данное решение иллюстрирует применение ст. ст. 97, 99 и 109 УПК РФ, где общественная безопасность доминирует над личными обстоятельствами, подчеркивая приоритет защиты общества в делах с высокой степенью общественной опасности.

Особенности применения заключения под стражу в коррупционных делах раскрывает апелляционное постановление Приморского краевого суда от 30 октября 2024 года по делу № 3/1-199/2024 [8]. ФИО1, подозреваемый в получении взятки в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ), был помещен под стражу на 1 месяц 30 дней. Защита предлагала залог, указывая на социальные связи, место жительства и благотворительную деятельность, но суд подтвердил меру, устранив ошибочную ссылку на непредставленный протокол явки с повинной. Применение ст. 108 УПК РФ здесь акцентирует должностной статус как фактор риска давления на свидетелей. Решение суда

отражает осторожность в коррупционных делах, где строгая мера считается необходимой для защиты расследования от возможного противодействия.

Расширительное толкование оснований для заключения под стражу при преступлениях средней тяжести демонстрирует апелляционное постановление Ивановского областного суда от 29 января 2025 года по делу № 3/1-4/2025 [6]. ФИО2 обвинялся в умышленном уничтожении имущества путем поджога (ч. 2 ст. 167 УК РФ). С 14 января 2025 года он находился под стражей на 1 месяц 23 дня. Защита указывала на отсутствие доказательств рисков, признание вины и статус студента, но суд, ссылаясь на мобильность обвиняемого и отсутствие постоянной работы, подтвердил меру. Этот пример демонстрирует использование строгой меры даже при средней тяжести преступления, основываясь на вероятностных рисках по ст. 97 УПК РФ, что показывает расширительное толкование судами критериев общественной опасности.

Таким образом, запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу представляют собой меры пресечения с различной степенью репрессивности, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки. Их эффективное применение требует дальнейшего совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики, чтобы обеспечить баланс между интересами правосудия и защитой прав личности.

Анализ судебной практики выявляет устойчивые тенденции правоприменения в сфере мер пресечения. Суды демонстрируют дифференцированный подход, при котором строгие меры доминируют в тяжких преступлениях. Приоритет общественной безопасности последовательно доминирует над личными обстоятельствами обвиняемых, что проявляется в отклонении доводов защиты о положительных характеристиках личности.

Особую осторожность суды проявляют в коррупционных делах, где должностной статус рассматривается как дополнительный фактор риска, требующий применения строгих мер. Длительность ограничительных мер

характеризуется нежеланием судов к быстрому смягчению или отмене мер пресечения, даже при правопослушном поведении обвиняемых на протяжении значительного времени.

Одновременно судебная практика демонстрирует гибкость в применении отдельных мер, особенно запрета определенных действий, где суды готовы к индивидуализации ограничений с учетом конкретных потребностей обвиняемого. Строгость процессуальных требований проявляется в том, что даже минимальные процессуальные нарушения при применении мягких мер влекут отмену решений, подчеркивая формальную сторону правоприменения. Судебная практика по мерам пресечения в России демонстрирует устойчивую ориентацию на обеспечение эффективности уголовного судопроизводства при формальном соблюдении процессуальных гарантий, что соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ о необходимости баланса между общественными интересами и правами обвиняемых в рамках конституционных принципов справедливости и соразмерности.

Подводя итоги проведённого во второй главе исследования, следует отметить следующее.

Подписка о невыезде (статья 102 УПК РФ) – наиболее мягкая мера пресечения, обязывающая лицо не покидать место жительства и являться по вызовам без изоляции от общества. Ее преимущества – минимальная репрессивность и сохранение социальных связей, но отсутствие механизмов контроля снижает эффективность, зависящую от добросовестности лица. Личное поручительство (статья 103 УПК РФ) предполагает ответственность поручителя за поведение обвиняемого, но применяется редко из-за нечетких критериев оценки поручителей и слабой ответственности за нарушения. Обе меры соответствуют принципу соразмерности, но требуют усиления контроля и нормативной регламентации для повышения их превентивного потенциала, особенно в условиях затяжных расследований.

Наблюдение командования воинской части (статья 104 УПК РФ) эффективно для военнослужащих благодаря строгой военной дисциплине, но ограничено узкой сферой применения и зависимостью от согласия командования. Присмотр за несовершеннолетним (статья 105 УПК РФ) направлен на воспитание и минимизацию репрессивного воздействия, но редко используется из-за отсутствия четких критериев для ответственных лиц и слабой координации с органами опеки. Обе меры требуют усиления нормативной базы и ответственности за неисполнение, чтобы повысить их эффективность и соответствие принципам гуманизации, особенно для уязвимых категорий участников процесса.

Запрет определенных действий (статья 105.1 УПК РФ) гибко ограничивает поведение, но его редкое применение связано с недостаточной осведомленностью и сложностью контроля. Залог (статья 106 УПК РФ) редко используется из-за нечеткой регламентации размера и процедуры внесения, несмотря на потенциал как финансовой гарантии. Домашний арест (статья 107 УПК РФ) выступает альтернативой заключению под стражу, но ограничен техническими и правовыми проблемами, включая отсутствие согласия сожителей. Заключение под стражу (статья 108 УПК РФ) – наиболее строгая мера, часто применяется формально, игнорируя индивидуальные обстоятельства, что требует усиления судебного контроля. Все меры нуждаются в реформировании для обеспечения баланса между правосудием и правами личности.

Глава 3 Проблемы правового регулирования мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ

3.1 Основные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики применения мер пресечения

Меры пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации играют ключевую роль в обеспечении эффективности расследования и судебного разбирательства, одновременно защищая права и свободы граждан. Они призваны сбалансировать интересы правосудия и принципы гуманизма, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) и Конституции РФ. Однако анализ нормативной базы, судебной практики и научных исследований выявляет системные проблемы, которые препятствуют достижению этой цели. Настоящая работа посвящена всестороннему рассмотрению этих проблем, их причин и последствий, а также разработке рекомендаций по реформированию системы мер пресечения, основанных на позициях ведущих исследователей. Такой подход позволяет не только выявить недостатки, но и предложить пути их устранения, направленные на создание более сбалансированной и гуманной правоприменительной практики.

Система мер пресечения, предусмотренная главой 13 УПК РФ, должна обеспечивать эффективность уголовного процесса при строгом соблюдении принципов законности, соразмерности и гуманизации. Однако в реальной практике применение этих мер сталкивается с рядом системных недостатков, которые снижают их эффективность и приводят к нарушению прав граждан. Рассмотрим ключевые проблемы, выявленные в ходе анализа.

Одной из наиболее острых проблем является чрезмерное использование заключения под стражу как меры пресечения, несмотря на наличие альтернатив, предусмотренных законодательством. Как отмечают В.Н. Борков, Б.Б. Булатов и А.В. Павлов, «в 2022 г. судами удовлетворено

55196 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не связанных с применением насилия или угрозой его применения, из которых 2593 лица (5 %) обвинялись в совершении преступлений небольшой тяжести, 14861 лицо (27 %) – в совершении преступлений средней тяжести, а 37742 лица (68 %) – в совершении тяжких и особо тяжких преступлений» [10, с. 166]. Такой подход противоречит принципу соразмерности, закрепленному в статье 99 УПК РФ, которая требует учета индивидуальных обстоятельств, таких как семейное положение, состояние здоровья и отсутствие судимостей. Формальность решений, основанных преимущественно на тяжести преступления, без должного анализа личности обвиняемого, усиливает проблему. Примером может служить апелляционное постановление Саратовского областного суда от 29 января 2025 года по делу № 3/2-6/2025, где заключение под стражу было сохранено, несмотря на доводы защиты о правопослушном поведении обвиняемого и наличии иждивенцев [3].

А.Н. Батанов подчеркивает, что заключение под стражу к подозреваемым следует применять только в исключительных случаях, связанных с тяжкими или особо тяжкими преступлениями, и при наличии конкретных доказательств рисков уклонения или воспрепятствования следствию [9, с. 28]. Игнорирование этих принципов не только нарушает конституционные права граждан, но и приводит к перегрузке следственных изоляторов, что негативно сказывается на условиях содержания и общем уровне гуманизации уголовного процесса.

Переходя к альтернативным мерам пресечения, стоит отметить их низкую эффективность, обусловленную недостатками правового регулирования и организационными сложностями. Залог, запрет определенных действий и личное поручительство применяются крайне редко. М.Д. Филимонова отмечает, что за 2018-2023 годы было подано лишь 122 ходатайства о применении залога, из которых удовлетворено 108 [27, с. 72]. Это связано с отсутствием четких критериев определения размера

залога и сложностями оценки имущественного положения залогодателя. Аналогичная ситуация наблюдается с запретом определенных действий: за тот же период эта мера применялась в 14 836 случаях, из которых удовлетворено 13 143, что составляет незначительную долю по сравнению с заключением под стражу [27, с. 72-73]. М.Г. Оленев, А.Г. Артёмова отмечают, что «подписка о невыезде и надлежащем поведении – самая необеспеченная мера пресечения: гарантией ее соблюдения является письменное обязательство подозреваемого или обвиняемого, то есть фактически обещание лица, совершившего преступление. Несмотря на это, названная мера пресечения очень проста в избрании, и поэтому столь часто используется практическими сотрудниками, играя роль формальной меры пресечения в случаях совершения нетяжких преступлений» [21, с. 49]. Личное поручительство также ограничено в применении из-за недостаточной регламентации критериев оценки поручителей, что снижает доверие к этой мере со стороны правоприменителей. Эти проблемы свидетельствуют о необходимости более четкого нормативного регулирования и организационных улучшений для повышения востребованности альтернативных мер.

Еще одним значимым недостатком является игнорирование индивидуальных обстоятельств при избрании мер пресечения, несмотря на требования статьи 99 УПК РФ. Е.В. Михайлов подчеркивает, что возраст, состояние здоровья, семейное положение и род занятий часто не учитываются, что приводит к необоснованному применению строгих мер [20, с. 87]. Примером служит апелляционное постановление Ивановского областного суда от 29 января 2025 года по делу № 3/1-4/2025, где заключение под стражу было применено к обвиняемому в преступлении средней тяжести (ч. 2 ст. 167 УК РФ) на основании вероятностных рисков, несмотря на положительные характеристики личности [6]. Такой подход не только нарушает принципы гуманизации, но и подрывает доверие к правосудию, создавая ощущение несправедливости у обвиняемых и их близких.

Особое внимание следует уделить проблемам применения мер пресечения к несовершеннолетним, которые не учитывают их возрастные и психологические особенности. А.Д. Курочкин отмечает, что присмотр за несовершеннолетним (статья 105 УПК РФ) используется крайне редко [18, с. 85]. При этом исследователь замечает, что «закон не устанавливает даже оценочных категорий, которыми следует руководствоваться лицу, решающему вопрос об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему.» [18, с. 87]. Статистика подтверждает, что эта мера применяется значительно реже, чем подписка о невыезде или заключение под стражу, что связано с недостаточной правовой регламентацией и сложностями с привлечением надежных лиц для присмотра.

Домашний арест, задуманный как гуманная альтернатива заключению под стражу, также сталкивается с ограничениями, связанными с громоздкостью применения и недостаточной эффективностью. М.Д. Филимонова указывают, что за 2018-2023 годы удовлетворено лишь 6 329 ходатайств о домашнем аресте из 7 170 [27, с. 72], что отражает его низкую востребованность. Основные препятствия включают недостаточное техническое обеспечение, отсутствие современных систем электронного мониторинга и неурегулированность вопроса о согласии совместно проживающих лиц. Апелляционное постановление Томского областного суда от 29 января 2025 года по делу № 3/12-1/2025 демонстрирует склонность судов продлевать домашний арест, игнорируя предложения защиты о более мягких мерах [4]. Эти недостатки делают домашний арест менее эффективным, чем предполагалось, и ограничивают его потенциал как альтернативы лишению свободы.

Неоднозначность правовой природы запрета определенных действий (статья 105.1 УПК РФ) создает дополнительные сложности. Запрет покидать жилое помещение отчасти дублирует элементы домашнего ареста, что приводит к избыточности законодательства. Комбинированное применение этой меры с другими, например с залогом, увеличивает риск множественного

ограничения прав обвиняемого, что противоречит принципу соразмерности. Эта проблема требует пересмотра правовой конструкции данной меры для устранения дублирования и повышения ее эффективности.

Наконец, слабая регламентация ответственности за неисполнение мягких мер пресечения, таких как подписка о невыезде, личное поручительство и присмотр за несовершеннолетним, снижает их дисциплинирующий эффект. Отсутствие технических средств контроля делает подписку о невыезде зависимой от добросовестности лица, а санкции за неисполнение личного поручительства недостаточны для обеспечения эффективности. Это делает мягкие меры менее привлекательными для правоприменителей, что способствует доминированию более строгих мер, таких как заключение под стражу.

3.2 Предложения по совершенствованию законодательства в сфере применения мер пресечения

Для устранения выявленных проблем необходимо комплексное реформирование системы мер пресечения, направленное на достижение баланса между интересами правосудия и защитой прав личности.

Одной из ключевых рекомендаций является переструктурирование системы мер пресечения.

Для повышения гибкости и эффективности системы мер пресечения предлагается реформировать главу 13 УПК РФ, создав структурированную систему ограничений и обязательств, исключая избыточность. Запрет определенных действий (статья 105.1 УПК РФ) следует исключить как самостоятельную меру, интегрировав его элементы (запреты на общение, использование интернета, посещение определенных мест и так далее) в домашний арест и иные меры процессуального принуждения (глава 14 УПК РФ). Дополнительно ввести следующие обязательства и ограничения для обвиняемых, не находящихся под стражей:

- обязательства: являться по вызову, сообщать об изменении места жительства или работы, проходить медицинскую или психиатрическую экспертизу, искать работу или учебу, пройти лечение от зависимостей;
- ограничения: наложение ареста на имущество, временное изъятие документов (паспорта, лицензий), контроль со стороны органов надзора с использованием электронных средств.

Такая реструктуризация позволит создать гибкую систему, минимизирующую необходимость лишения свободы, и устранил дублирование норм.

Для сокращения чрезмерного применения заключения под стражу необходимо усилить судебный контроль. Суды должны требовать от следователей обоснованных данных, а не ограничиваться ссылками на тяжесть преступления, как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 [22]. Это позволит снизить количество решений, подобных делу Саратовского областного суда (№ 3/2-6/2025), и обеспечить соблюдение принципа соразмерности [3].

Совершенствование домашнего ареста является еще одним важным направлением реформы. Для повышения его эффективности предлагается дополнить статью 107 УПК РФ нормой, требующей обязательного письменного согласия совместно проживающих лиц, с учетом их прав и законных интересов. Также необходимо разработать централизованную цифровую платформу для автоматизированного сбора и анализа данных о соблюдении условий ареста, включая видеонаблюдение и логи активности в сети, с возможностью удаленного уведомления о нарушениях. Это устранил текущие технические ограничения и повысит оперативность реагирования.

Для повышения востребованности залога необходимо внести изменения в статью 106 УПК РФ, установив дифференцированные размеры залога: от 100 тысяч рублей для преступлений небольшой тяжести до 5 миллионов рублей для особо тяжких. Дифференциация должна учитывать категорию

преступления, имущественное положение залогодателя и характер последствий деяния. Упрощение процедуры внесения залога, например через электронные платежные системы, также повысит его привлекательность. Судебная практика, такая как дело Пермского краевого суда от 25 октября 2024 года (№ 22-6102/2024), подтверждает эффективность залога при четкой регламентации [5].

Для повышения эффективности личного поручительства следует разработать нормативные критерии оценки поручителей (социальный статус, репутация, отсутствие судимостей) и предусмотреть обязательное уведомление органов расследования о поведении подопечного.

Статью 105 УПК РФ необходимо дополнить нормами, устанавливающими четкие критерии оценки лиц, ответственных за присмотр за несовершеннолетними (например, социальный статус, отсутствие судимостей). Для присмотра за несовершеннолетним необходимо установить административную ответственность за неисполнение обязательств, например, штрафы или иные санкции, что повысит дисциплинирующий эффект этих мер.

Наконец, для обеспечения учета индивидуальных обстоятельств необходимо усилить подготовку следователей и судей. Программы повышения квалификации должны включать изучение принципов соразмерности и индивидуализации, а также анализ судебной практики, чтобы избежать решений, подобных делу Ивановского областного суда (№ 3/1-4/2025) [6]. Данная рекомендация позволит минимизировать случаи игнорирования индивидуальных обстоятельств и повысить качество правоприменения.

Таким образом, проблемы правового регулирования и практики применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ требуют комплексного реформирования. Чрезмерное использование заключения под стражу, низкая эффективность альтернативных мер, игнорирование индивидуальных обстоятельств, недостаточная регламентация мер для несовершеннолетних, ограниченная эффективность домашнего ареста,

неоднозначность правовой природы запрета определенных действий и слабая ответственность за неисполнение мягких мер препятствуют реализации принципов законности и гуманизации. Предложенные рекомендации, включая переструктурирование системы мер, усиление судебного контроля, внедрение электронного мониторинга, уточнение нормативной базы и повышение квалификации правоприменителей, направлены на создание сбалансированной и гуманной системы, обеспечивающей эффективность уголовного процесса при строгом соблюдении прав и свобод человека.

Подводя итоги проведённого в третьей главе исследования, следует отметить следующее.

Чрезмерное использование заключения под стражу, особенно при нетяжких преступлениях, игнорирование индивидуальных обстоятельств (возраст, здоровье, семейное положение), низкая эффективность альтернативных мер (залог, личное поручительство, запрет определенных действий), слабая регламентация мер для несовершеннолетних, технические ограничения домашнего ареста и недостаточная ответственность за неисполнение мягких мер препятствуют реализации принципов законности, соразмерности и гуманизма. Судебная практика показывает формальный подход к продлению строгих мер, что подчеркивает необходимость реформ для повышения справедливости и эффективности правоприменения.

Реформирование системы мер пресечения требует интеграции запрета определенных действий в другие меры для устранения дублирования, усиления судебного контроля для сокращения применения заключения под стражу, внедрения цифровых платформ для мониторинга домашнего ареста, дифференциации размеров залога, уточнения критериев для поручителей и лиц, ответственных за присмотр за несовершеннолетними, а также введения административной ответственности за неисполнение мягких мер.

Заключение

Меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой совокупность законодательно предусмотренных действий, ограничивающих права участников процесса для обеспечения беспрепятственного судопроизводства. Они выполняют как карательные, так и превентивные функции, предотвращая уклонение от следствия, давление на свидетелей или уничтожение доказательств. Система мер, структурированная в Разделе IV УПК РФ, включает задержание, меры пресечения и иные меры принуждения, адаптированные к стадиям процесса и статусу участников. Их значение заключается в поддержании правопорядка и общественной безопасности при соблюдении принципов законности (статья 7 УПК РФ) и презумпции невиновности (статья 14 УПК РФ). Внедрение современных технологий, таких как электронные браслеты, повышает эффективность контроля, но требует усиления судебного надзора для защиты прав личности, что делает этот институт неотъемлемой частью современного правосудия.

Меры пресечения – это специфический вид процессуального принуждения, применяемый исключительно к подозреваемым и обвиняемым для предотвращения уклонения от следствия, суда или продолжения преступной деятельности. Закрепленные в статье 98 УПК РФ, они включают подписку о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним, запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу. В отличие от иных мер, таких как привод или арест имущества, меры пресечения имеют узкую целевую направленность, более длительное воздействие и строгий судебный контроль, особенно при ограничении свободы (статья 22 Конституции РФ). Их иерархическая структура позволяет варьировать степень ограничений, но требует гибкого применения для соблюдения принципов гуманизма и пропорциональности, что подчеркивает необходимость дальнейшего

реформирования в условиях цифровизации и транснациональной преступности.

Основания избрания мер пресечения, закрепленные в статье 97 УПК РФ, включают наличие достаточных данных о возможном уклонении, продолжении преступной деятельности или воспрепятствовании следствию. Условия, такие как возбуждение уголовного дела и статус лица (подозреваемый или обвиняемый), обеспечивают правовую основу их применения. Принцип соразмерности требует минимального ограничения прав, что особенно важно для строгих мер, таких как заключение под стражу. Судебная практика подчеркивает необходимость мотивировки решений, однако несоблюдение оснований может привести к их отмене. Современные вызовы, включая цифровизацию и транснациональную преступность, требуют четкого регулирования применения электронных средств контроля, чтобы избежать нарушения права на частную жизнь (статья 23 Конституции РФ), обеспечивая баланс между правосудием и защитой личности.

Порядок избрания, изменения и отмены мер пресечения строго регламентирован УПК РФ, требуя вынесения мотивированных постановлений или определений с учетом тяжести преступления, личности обвиняемого и других обстоятельств (статья 99 УПК РФ). Судебный контроль, особенно при ограничении свободы, обеспечивает соблюдение конституционных гарантий (статья 46 Конституции РФ). Однако практика показывает склонность к чрезмерному применению заключения под стражу, что противоречит принципу гуманизма. Процедура включает право на защиту и обжалование, но недостаточная индивидуализация решений и формальный подход к продлению мер требуют реформирования.

Подписка о невыезде (статья 102 УПК РФ) – наиболее мягкая мера пресечения, обязывающая лицо не покидать место жительства и являться по вызовам без изоляции от общества. Ее преимущества – минимальная репрессивность и сохранение социальных связей, но отсутствие механизмов контроля снижает эффективность, зависящую от добросовестности лица.

Личное поручительство (статья 103 УПК РФ) предполагает ответственность поручителя за поведение обвиняемого, но применяется редко из-за нечетких критериев оценки поручителей и слабой ответственности за нарушения. Обе меры соответствуют принципу соразмерности, но требуют усиления контроля и нормативной регламентации для повышения их превентивного потенциала, особенно в условиях затяжных расследований.

Наблюдение командования воинской части (статья 104 УПК РФ) эффективно для военнослужащих благодаря строгой военной дисциплине, но ограничено узкой сферой применения и зависимостью от согласия командования. Присмотр за несовершеннолетним (статья 105 УПК РФ) направлен на воспитание и минимизацию репрессивного воздействия, но редко используется из-за отсутствия четких критериев для ответственных лиц и слабой координации с органами опеки. Обе меры требуют усиления нормативной базы и ответственности за неисполнение, чтобы повысить их эффективность и соответствие принципам гуманизации, особенно для уязвимых категорий участников процесса.

Запрет определенных действий (статья 105.1 УПК РФ) гибко ограничивает поведение, но его редкое применение связано с недостаточной осведомленностью и сложностью контроля. Залог (статья 106 УПК РФ) редко используется из-за нечеткой регламентации размера и процедуры внесения, несмотря на потенциал как финансовой гарантии. Домашний арест (статья 107 УПК РФ) выступает альтернативой заключению под стражу, но ограничен техническими и правовыми проблемами, включая отсутствие согласия сожителей. Заключение под стражу (статья 108 УПК РФ) – наиболее строгая мера, часто применяется формально, игнорируя индивидуальные обстоятельства, что требует усиления судебного контроля. Все меры нуждаются в реформировании для обеспечения баланса между правосудием и правами личности.

Чрезмерное использование заключения под стражу, особенно при нетяжких преступлениях, игнорирование индивидуальных обстоятельств

(возраст, здоровье, семейное положение), низкая эффективность альтернативных мер (залог, личное поручительство, запрет определенных действий), слабая регламентация мер для несовершеннолетних, технические ограничения домашнего ареста и недостаточная ответственность за неисполнение мягких мер препятствуют реализации принципов законности, соразмерности и гуманизма. Судебная практика показывает формальный подход к продлению строгих мер, что подчеркивает необходимость реформ для повышения справедливости и эффективности правоприменения.

Реформирование системы мер пресечения требует интеграции запрета определенных действий в другие меры для устранения дублирования, усиления судебного контроля для сокращения применения заключения под стражу, внедрения цифровых платформ для мониторинга домашнего ареста, дифференциации размеров залога, уточнения критериев для поручителей и лиц, ответственных за присмотр за несовершеннолетними, а также введения административной ответственности за неисполнение мягких мер.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Андроник Н.А. Отдельные аспекты избрания мер пресечения // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : Сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка, Орел, 20-21 октября 2016 года. Орел : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В.В. Лукьянова», 2016. С. 25-29.

2. Апелляционное постановление № 22-135/2025 22-3395/2024 от 22 января 2025 г. по делу № 1-247/2024. Томский областной суд (Томская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2XНМо48xНQZo/> (дата обращения: 21.06.2025 г.).

3. Апелляционное постановление № 22-300/2025 22К-300/2025 от 29 января 2025 г. по делу № 3/2-6/2025. Саратовский областной суд (Саратовская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/peerMmUru75a/> (дата обращения: 21.06.2025 г.).

4. Апелляционное постановление № 22-359/2025 22К-359/2025 от 29 января 2025 г. по делу № 3/12-1/2025. Томский областной суд (Томская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3gcmghJlQ1xQ/> (дата обращения: 21.06.2025 г.).

5. Апелляционное постановление № 22-6102/2024 от 25 октября 2024 г. Пермский краевой суд (Пермский край) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lq4wZueYh1mf/> (дата обращения: 21.06.2025 г.).

6. Апелляционное постановление № 22К-243/2025 от 29 января 2025 г. по делу № 3/1-4/2025. Ивановский областной суд (Ивановская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/D01V17wuAs18/> (дата обращения: 21.06.2025 г.).

7. Апелляционное постановление № 22К-360/2025 от 28 января 2025 г. по делу № 3/15-1/2025. Верховный Суд Республики Крым (Республика Крым) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dzmaK93YdBdJ/> (дата обращения: 21.06.2025 г.).

8. Апелляционное постановление № 22К-5622/2024 от 30 октября 2024 г. по делу № 3/1-199/2024. Приморский краевой суд (Приморский край) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/x5Mu2hd1cmg8/> (дата обращения: 21.06.2025 г.).

9. Батанов А.Н. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого: практика, ограничивающая реализацию права на защиту // 2017. № 6 (31). С. 27-29.

10. Борков В.Н., Булатов Б.Б., Павлов А.В. Новеллы в законодательстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. № 2 (97). С. 165-170.

11. Вологина Е.В. Меры уголовно-процессуального принуждения и особенности их применения // Форум. 2020. № 1 (21). С. 38-42.

12. Геранин В.В., Мальцева С.Н. Домашний арест: проблемы правового регулирования // Человек: преступление и наказание. 2024. № 1. С. 35-45.

13. Горбатых И.М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 4. С. 57-64.

14. Джафарова Э.С. Производство по избранию меры пресечения судом: особенности уголовно-процессуального регулирования // Лучшая научно-исследовательская работа 2021 : сборник статей XXXIII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 ноября 2021 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. С. 51-53.

15. Иванова О.Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 /

Иванова Ольга Геннадьевна; [Место защиты: ФГАОУ ВО Национальный исследовательский Томский государственный университет]. Томск, 2019. 27 с.

16. Кипрова Т.Н. Особенности применения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части // Молодой ученый. 2020. № 15 (305). С. 197-199.

17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.06.2025 г.).

18. Курочкин А.Д. Об избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 1 (42). С. 85-89.

19. Лавдаренко Л.И., Плеснева Л.П., Воткин В.А. Меры пресечения: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3 (43). С. 92-100.

20. Михайлов Е.В. Проблемы, возникающие при избрании в отношении обвиняемых (подозреваемых) меры пресечения в виде заключения под стражу // Молодой ученый. 2019. № 11 (249). С. 86-89.

21. Оленев М.Г., Артемова А.Г. Применение мер пресечения, не связанных с лишением свободы // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 46-49.

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 21.06.2025 г.).

23. Рудич В.В. О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения - мер пресечения // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 3. С. 25-31.

24. Теппеев А.А. Понятие мер уголовно-процессуального принуждения и их виды // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4. С. 235-238.

25. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 21.06.2025 г.).

26. Фетищева Л.М. Обсуждение понятия меры пресечения в виде домашнего ареста // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Пермь, 06–08 апреля 2021 года. Том 2. ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 55-57.

27. Филимонова М.Д. Запрет определенных действий как мера пресечения: понятие, юридическая природа // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 2. С. 70-80.

28. Цыреторов А.И., Анисимов А.Г. Залог как мера пресечения: некоторые проблемы пути повышения эффективности // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 62-65.